

УДК 882.07-31
DOI 10.17223/18137083/63/12

Н. Н. Подрезова, Ю. С. Харлашкин

Иркутский государственный университет

Семантика кладбищенского хронотопа в романе Е. Г. Водолазкина «Лавр»

Впервые рассмотрен кладбищенский хронотоп применительно к пространственно-временной структуре романа Е. Г. Водолазкина «Лавр». Проанализированы два варианта кладбищенского хронотопа, присутствующие в романе, – кладбище и скудельница. Описана их семантика: синтез пространственной структуры, релевантных характеристик и ассоциативной валентности. Семантика кладбища и скудельницы в романе Е. Водолазкина «Лавр» имеет не архетипическое, а контекстуальное противопоставление: конфликт заключается в нелегитимности захоронения без христианского обряда. Главный герой разрешает этот конфликт сознательно выбранной формой погребения, приравнивая скудельницу к захоронению мученика. Выявлено, что контекстуальное противопоставление вариантов кладбищенского хронотопа лежит в основе событийной конструкции романа.

Ключевые слова: Е. Г. Водолазкин, «Лавр», кладбищенский хронотоп, структура хронотопа, вариант хронотопа, семантика хронотопа.

Категория хронотопа в романе Е. Г. Водолазкина «Лавр» в настоящее время не исследована, а часть работ, посвященных «Лавру», сепаратно касается только категории времени ([Архангельская, 2013; Вежлян, 2013; Солдаткина, 2013; Жучкова, 2015; Калдыбекова, 2015; Маглий, 2016] и др.). По словам М. М. Бахтина, «всякое вступление в сферу смыслов совершается только через ворота хронотопов» [Бахтин, 1975, с. 406], а потому семантизация хронотопов в литературных произведениях является обязательной частью анализа художественного произведения.

Подрезова Наталья Николаевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры новейшей русской литературы факультета филологии и журналистики Института филологии, иностранных языков и медиакоммуникации Иркутского государственного университета (ул. Ленина, 8, Иркутск, 664025, Россия; koine@list.ru)

Харлашкин Юрий Станиславович – аспирант кафедры новейшей русской литературы факультета филологии и журналистики Института филологии, иностранных языков и медиакоммуникации Иркутского государственного университета (ул. Ленина, 8, Иркутск, 664025, Россия; kharlashkin.yura@mail.ru)

ISSN 1813-7083. Сибирский филологический журнал. 2018. № 2
© Н. Н. Подрезова, Ю. С. Харлашкин, 2018

Цель данной работы заключается в семантизации кладбищенского хронотопа в романе Е. Г. Водолазкина «Лавр».

Опираясь на определение М. М. Бахтина («Существенную взаимосвязь временных и пространственных отношений, художественно освоенных в литературе, мы будем называть хронотопом» [Бахтин, 1975, с. 234]) и учитывая частоту употребления этого термина в кругу гуманитарных дисциплин, мы делаем вывод о ментальной основе хронотопа.

В нашей статье под хронотопом будем понимать архетипический образ, имеющий ассоциативную валентность с категориями времени, пространства, состояния. Ассоциативная валентность (способность понятия сочетаться в сознании с другими понятиями), с одной стороны, задает ряд характерных параметров хронотопа, с другой же – семантически связывает функционально схожие хронотопы синтагматически, парадигматически или иерархически. Например, говоря о «больших объемлющих и существенных хронотопах», М. М. Бахтин указывает на то, что «каждый такой хронотоп может включать в себя неограниченное количество мелких хронотопов, ведь каждый мотив может иметь свой особый хронотоп» [Там же, с. 400].

Одним из «существенных хронотопов» в пространственно-временной структуре романа «Лавр» представляется кладбищенский хронотоп. Его ассоциативные валентности составляют смысловой каркас первой части романа и остаются важными в контексте романа в целом. Кладбищенский хронотоп в социопсихологическом аспекте определяет характерные особенности коммуникативной ситуации, реализующиеся на кладбище, что выражается в кладбищенской культуре. Поскольку кладбищенская культура в силу своей специфичности входит в ядро социокультурного кода любой нации, то автор, задействующий данный хронотоп, воссоздает значимую часть картины мира определенной нации. Е. Г. Водолазкин воссоздает картину мира русского человека XV в. Кроме того, кладбищенская тема шире темы смерти вообще и отличается табуированностью, а потому использование данного хронотопа всегда имеет особое значение: сакрализующее или, наоборот, десакрализующее.

Кладбищенский хронотоп в «Лавре» имеет два варианта реализации, т. е. концептуально распадается на два хронотопа (кладбище и скудельница), каждый из которых в свою очередь имеет по две локализации: деревенское кладбище и монастырский кладбище-сад; деревенская скудельница и захоронение Лавра.

В статье П. В. Федорова приводится описание хронотопа кладбища [Федоров, 2013, с. 17–19]. Резюмируя описание, отметим ряд существенных характеристик, которые понадобятся при анализе хронотопа в романе: во-первых, кладбищенское время сакрализовано, т. е. соотносится с вечностью, противопоставляется суетному, мирскому времени; во-вторых, кладбищу присуща мнемоническая функция (вплоть до значимого отсутствия); в-третьих, кладбище обладает собственной пространственной структурой; в-четвертых, кладбище является потусторонним, медиаторским пространством. Применительно к роману «Лавр» следует отметить полное соответствие всем обозначенным пунктам.

Деревенское кладбище не имеет в романе описания, единственной его характеристикой является тишина. Это и природная тишина, и безмолвие (как следствие отсутствия людей, а значит, и звучащей речи). Именно тишина характеризует кладбищенское время как сакральное, соотносящееся с вечностью и противопоставленное бытовому. Так, время на кладбище практически бессобытийно. Можно отметить лишь три эпизода, разворачивающиеся на кладбище, да и то частично: чтение «Александрии», похороны Христофора и появление Устины. Эти события на фоне общей бессобытийности кладбища представляются особо значимыми.

Симптоматично авторское оформление первого такого эпизода: чтение «Александрии». Сначала сообщается, что

Александрию Арсений читал постоянно. Он читал ее сидя на лавке и лежа на печи, зажав руками между колен и навалившись головой на ладони, утром и вечером. Иногда – ночью, при свете лучины¹ [Водолазкин, 2016, с. 42].

После чего следует краткий пересказ собственно повести и следующая за ним фокализация персонажа:

Арсений закрыл книгу, которую читал на кладбище в лучах уходящего солнца [Там же, с. 43].

Таким образом, вставочный эпизод с пересказом повести оформляется как медиаторское пространство, переносящее героя из пространства избы в пространство кладбища, из быта к вечности. Автор рисует становление личности Арсения путем аллюзии на Александра Македонского в качестве персонажа «Александрии», в которой поход Александра является попыткой познания мира.

Второй кладбищенский эпизод – это похороны Христофора. Центральное место в нем занимают слова старца Никандра:

Проводивший дни жизни своей в доме у кладбища, дни своей смерти он будет проводить на кладбище у дома. Убежден, что подобная симметрия покойным только приветствуется [Там же, с. 61].

«Симметрия», подмеченная старцем, намекает на глубинную связь Христофора с миром мертвых. Само желание не жить в слободке, а поселиться в избе возле кладбища говорит о потребности покоя, отречении от мирского, то есть Христофор изначально в романе не принадлежит обыденному пространству в полной мере. Похороны, по сути, не отражают настоящего положения дел, их значение для пространственной «прописки» Христофора неважно, однако Арсений еще не готов понять и принять это, а потому главным посылом эпизода и становятся слова старца Никандра о том, что в смерти Христофор обретает жизнь.

Третий эпизод – это появление Устины. Началом его служит надмогильная «беседа», обращенная Арсением к Христофору. «Беседа» не доводится до конца, так как Арсений чувствует на себе посторонний взгляд и обнаруживает Устину. Ее взгляд «мерцал из-за дальних надгробных камней» [Там же, с. 67]. Устина впервые появляется в тексте на территории кладбища, она оказывается единственной выжившей в своей деревне после мора – все это позволяет трактовать ее образ как изначально связанный со смертью. Избежание смерти от мора в данном случае вовсе не отменяет связи: наоборот, на ней по определению лежит печать смерти, потому Устину и прогоняют из Рукиной слободки.

Мнемоническая функция кладбища в романе отлична от современной. Так, там нет надгробных надписей – ни имен, ни дат, ни эпитафий. Кладбище обезличено, что только усиливает образ тишины и безмолвия: на кладбище отсутствует не только звучащая речь, но и письменная. Именно мнемоническая функция отражает культурный код средневековой Руси, отношение к Богу и усопшим:

Почему на могилах нет имён, спросил однажды Арсений.

Потому что Господу они и так известны, ответил Христофор. А потомкам имена без надобности. Через сто лет уже никто не вспомнит, кому они принадлежали. Бывает, что и через пятьдесят. А может быть, даже через тридцать.

Так помнят во всем мире или только в Рукиной слободке?

¹ При цитировании сохранено авторское оформление текста по изданию [Водолазкин, 2016].

Пожалуй, что во всем мире. Но особенно – в Рукиной слободке. Мы не строим мраморных склепов и не высекаем имён, ибо нашим кладбищам дано право превращаться в леса и поля. Что отрадно [Водолазкин, 2016, с. 43].

Можно утверждать, что мнемоническая функция закреплена не за людьми, а за Богом как высшей инстанцией: так как людская память быстротечна и не имеет значения для вечности. Показательным в приведенном отрывке является и то, что сама территория кладбища оказывается способной диахронически интегрироваться в природу. Таким образом, кладбище вписывается в космос посредством превращения «в леса и поля».

Время в романе обладает категорией перспективы, то есть будущее не скрыто от настоящего, а может быть явлено некоторым героям в видениях. Так, в пламени печи Арсений видит себя стариком, а Амброджо обладает даром предвидения. Но в самом начале романа присутствует эпизод, описывающий, что будет происходить с территорией кладбища вплоть до конца XX в. Предвидение принадлежит Христофору, и оно иллюстрирует процесс интеграции территории кладбища не только в природу, но и в исторические процессы.

Пространственная структура кладбища в романе имеет следующий вид: территория кладбища, расположенные на ней обезличенные могилы и одна важная для Арсения могила – Христофора, чья «бытийность» подчеркивается наличием возле нее лавки. Границы кладбища обозначены забором, отделяющим избу, и лесом. Сама изба поделена на две половины: жилую комнату и холодную. Такое разделение семантически обосновано, поскольку отражает идею границы, то есть в тексте задействуется хронотоп порога, также имеющий отношение к медиаторству. Изба в романе обладает амбивалентным значением: это и бытовое, частное, пространство Арсения и Устины, но и чужое лиминальное пространство, где люди могут получить исцеление. Каждый персонаж, входящий в избу, несет в себе признаки медиатора: это больные люди, старики, дети, роженица. Кладбище (в качестве потустороннего пространства) обосновывает возможность контакта с умершими, что в романе отражается в надмогильной «беседе» Арсения, обращенной к Христофору.

Другой вид реализации хронотопа кладбища – это скудельница, то есть место хранения трупов самоубийц, некрещеных людей и умерших не своей смертью, в том числе и от мора (так называемые заложные покойники). Роль скудельницы объяснена автором непосредственно в тексте романа, а потому ограничим ее описание функциональными отличиями от кладбища. Во-первых, скудельница лишена сакральной функции: это не просто потустороннее пространство, но – враждебное пространство. «Заложные покойники» способны принести вполне осязаемое зло живым: например, наслать неурожай. Во-вторых, скудельница не выполняет мнемоническую функцию: здесь по определению не может быть никаких надписей, это место не предназначено для посещений, а значит, тут не производятся должным образом обряды [Зеленин, 2012]. В романе нигде не говорится, где похоронены родители Арсения, но упоминание их захоронения на кладбище и смерть от чумы напрямую свидетельствуют об их захоронении в скудельнице. Вынужденное согласие на захоронение в скудельнице Устины и младенца является переломным моментом в судьбе Арсения. Наставления старца Никандра определяют его дальнейшую жизнь – проживание земной жизни за Устину и спасение ее души, то есть задают событийный вектор от завязки романа к его развязке.

Вариант локализации монастырское кладбище – сад нивелирует все характеристики кладбищенского хронотопа, кроме пространственной структуры. Само кладбище здесь воспринимается скорее в качестве сада, а не места захоронения

умерших и задает собственную ассоциативную валентность (рая, Агора), имеющую преобладающее значение во второй книге романа.

Мотив смерти проходит через весь роман. Ее определение актуализируется самими героями. Так, Христофор объясняет маленькому Арсению, что такое смерть: «Смерть – это когда не двигаются и молчат...» [Водолазкин, 2016, с. 21] Наивное объяснение может показаться желанием не пугать ребенка, но, по сути, Христофор просто обозначает «симптомы», формальные признаки смерти, отменяющие функциональность тела, но не души, иначе упомянул бы про отсутствие мыслительной деятельности. Позже старец Никандр говорит Арсению: «Для Бога все живые» [Там же, с. 38]. Данный оборот и проясняет концепцию смерти в романе: земная смерть – не смерть души. Так актуализируется христианская тема. Кладбище – лишь отправная точка по направлению к вечной жизни. Деятельность Арсения носит сугубо христианский характер: исцеление, преодоление искушений, подвиг юродства, самоотречение, паломничество, пострижение в монахи и отшельничество. Похороны Лавра совершаются необычным способом: его тело волокут до болота и оставляют на растерзание животным, что соответствует обхождению с «заложными покойниками» при отсутствии скудельницы. Такова последняя воля самого Лавра.

Семантика кладбища и скудельницы в романе Е. Г. Водолазкина «Лавр» имеет не архетипическое, а контекстуальное противопоставление: конфликт заключается в нелегитимности захоронения без христианского обряда, но Лавр разрешает конфликт. Собственным захоронением он утверждает подвиг самоуничужения, тем самым приравнивая скудельницу к захоронению мученика. Построение конфликта на контекстуальном противопоставлении вариантов кладбищенского хронотопа свидетельствует о том, что семантическая ассоциативная валентность данного хронотопа лежит в основе событийной конструкции романа.

Список литературы

Архангельская А. В. Время древнерусское и современное в романе Евгения Водолазкина «Лавр» // Материалы науч. конф. «Ломоносовские чтения» 2013 г. и Междунар. науч. конф. студентов, аспирантов и молодых ученых «Ломоносов-2013». Севастополь, 2013. Т. 1. С. 113–114. URL: http://istina.msu.ru/publications/article/3634767/Vremya_drevnerusskoe_i_sovremennoe_v_romane_Evgeniya_Vodolazkina_Lavr.pdf (дата обращения 22.01.2017).

Бахтин М. М. Формы времени и хронотопа в романе: Очерки по исторической поэтике // Бахтин М. М. Вопросы литературы и эстетики. М.: Худож. лит., 1975. С. 234–407.

Водолазкин Е. Г. Лавр. М.: АСТ, 2016. 440 с.

Вежлян Е. Присвоение истории // Новый мир. 2013. № 11. С. 165–170.

Жучкова А. В. Концепция времени в романе Е. Водолазкина «Лавр» // Филологические науки. Научные доклады высшей школы. 2015. № 2. С. 50–57.

Зеленин Д. К. Восточные славяне. Кто они? М.: Эксмо: Алгоритм, 2012. 400 с.

Калдыбекова Ж. А. Художественное время в романе Е. Водолазкина «Лавр» // Наука и современность. 2015. № 37(1). С. 103–107.

Маглий А. Дм. Времени нет. Евгений Водолазкин // Вопросы литературы. 2016. № 2. С. 18–33.

Солдаткина Я. В. Категория времени в современной русской прозе (М. Шишкин, М. Петросян, Е. Водолазкин) // Вісн. Дніпропетр. ун-ту. 2013. № 2(6). С. 271–280.

Федоров П. В. Кладбище как многозначный социокультурный феномен: общие подходы к изучению (на примере Кольского Севера) // Некрополи Кольского Севера: Изучение, сохранение, коммуникация. Мурманск, 2013. С. 17–26.

N. N. Podrezova¹, Yu. S. Kharlashkin²

Irkutsk State University, Irkutsk, Russian Federation

¹koine@list.ru, ²kharlashkin.yura@mail.ru

**Semantics of the cemetery chronotope in the novel «Laurus»
by E. Vodolazkin**

The cemetery chronotope is considered for the first time in the space-time structure of the novel «Laurus» written by E. Vodolazkin. The cemetery chronotope represents one of the main chronotopes in the novel «Laurus». The cemetery culture constitutes the core of the socio-cultural code of any nation. Hence, the author depicts a significant part of the nation's worldview by using the chronotope concerned. The paper analyses two forms of the cemetery chronotope presented in the novel «Laurus» – the cemetery and skudelnitsa. The description of their semantics is given: the integration of space structure, relevant characteristics and associative valency. For example, time at the cemetery is sacralized, the cemetery possesses a mnemonic function and is considered to be a space allowing living and dead people to contact with each other. In the novel, the village cemetery does not have any other description but silence. The silence characterizes the time spent at the cemetery as sacral, as one correlated to eternity and opposed to everyday's life. This time is uneventful. There are only three episodes taking place partially in the cemetery: reading the favourite book, the old teacher's funeral, the appearance of beloved Ustina. All three events are fateful for the main character. The mnemonic function of the cemetery in the novel differs from the modern one: the cemetery is anonymized – there is neither oral nor written speech (inscriptions on the tombstones). It is the mnemonic function that reflects the cultural code of medieval Russia, the attitude to God and the dead. The time in the novel possesses the category of perspective: some characters can see the future in their visions. The spacial structure of the cemetery correlating with the threshold chronotope and taking the mediatory semantics reflects the concept of the border. Another form of the cemetery chronotope is skudelnitsa, which is a burial place for suicides, unbaptized people and those who died a violent death. It differs from the cemetery in the following: skudelnitsa does not have any sacral function, it is not just an other-worldly space, but also a hostile one to the people alive; in addition to this it does not have any mnemonic function – this place is not meant to be visited. The novel highlights that the semantics of cemetery and skudelnitsa has not an archetypical but a contextual opposition: burial without a Christian rite is considered illegal. The main character resolves this conflict by deliberately choosing the burial method and giving skudelnitsa the status of the martyr's burial place. The contextual opposition of the cemetery chronotope forms is found to underlie the narrative structure of the novel.

Keywords: E. Vodolazkin, novel «Laurus», cemetery chronotope, the structure of the chronotope, the form of the chronotope, the semantics of the chronotope.

DOI 10.17223/18137083/63/12

References

Arkhangel'skaya A. V. Vremya drevnerusskoye i sovremennoye v romane Evgeniya Vodolazkina "Lavr" [Old Russian and modern times in the novel "Laurus" by Evgeniy Vodolazkin]. *Materialy nauch. konf. "Lomonosovskiye chteniya" 2013 g. i Mezhdunar. nauch. konf. studentov, aspirantov i molodykh uchenykh "Lomonosov-2013"* [Materials of the scientific conference "Lomonosov Readings" 2013 and the International scientific conference of students, graduate students and young scientists "Lomonosov-2013"]. Sevastopol, 2013, vol. 1, pp. 113–114. URL: http://istina.msu.ru/publications/article/3634767/Vremya_drevnerusskoe_i_sovremennoe_v_romane_Evgeniya_Vodolazkina_Lavr.pdf (accessed 22.01.2017).

Bakhtin M. M. *Formy vremeni i khronotopa v romane: Ocherki po istoricheskoy poetike* [Forms of time and of the chronotope in the novel: Essays on historical poetics]. In: Bakhtin M. M. *Voprosy literatury i estetiki* [Questions of literature and aesthetics]. Moscow, Khudozh. lit., 1975, pp. 234–407.

Fedorov P. V. Kladbishche kak mnogoznachnyy sotsiokul'turnyy fenomen: obshchiye podkhody k izucheniyu (na primere Kol'skogo Severa) [Cemetery as a polysemantic sociocultural phenomenon: general approaches to the study (on the example of the Kola North)]. In: *Nekropoli*

Kol'skogo Severa: Izucheniye, sokhraneniye, kommunikatsiya [Necropolises of the Kola North: study, preservation, communication]. Murmansk, 2013, pp. 17–26.

Kaldybekova Zh. A. Khudozhestvennoye vremya v romane E. Vodolazkina “Lavr” [Artistic time in the novel “Laurus” by E. Vodolazkin]. *Nauka i sovremennost'*. 2015, no. 37(1), pp. 103–107.

Magliy A. Dm. Vremeni net. Evgeniy Vodolazkin [There is no time. Evgeniy Vodolazkin]. *Voprosy literatury*. 2016, no. 2, pp. 18–33.

Soldatkina Ya. V. Kategoriya vremeni v sovremennoy russkoy proze (M. Shishkin, M. Petrosyan, E. Vodolazkin) [The category of time in modern Russian prose (M. Shishkin, M. Petrosyan, E. Vodolazkin)]. *Visn. Dnipropetr. Univ.* 2013, no. 2(6), pp. 271–280.

Vezhlyan E. Prisvoyeniye istorii [Assignment of history]. *Novyy mir*. 2013, no. 11, pp. 165–170.

Vodolazkin A. G. *Lavr* [Laurus]. Moscow, AST, 2016, 440 p.

Zelenin D. K. *Vostochnyye slavyane. Kto oni?* [East slavs. Who are they?]. Moscow, Eksmo, Algoritm, 2012, 400 p.

Zhuchkova A. V. Kontseptsiya vremeni v romane E. Vodolazkina “Lavr” [The concept of time in the novel “Laurus” by E. Vodolazkin]. *Philological Sciences. Scientific Essays of Higher Education*. 2015, no. 2, pp. 50–57.